

ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН БӨЛИМИНИНҢ
ХАБАРШЫСЫ

ЖУРНАЛ 1960 ЖЫЛДАН БАСЛАП ШЫҒЫП АТЫР

ВЕСТНИК
КАРАКАЛПАКСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1960 ГОДА

№3
(174)

2001
ККО АН РУ

дая клетка украшена косым штрихом черной краской. По краям внутри борта стилизованная куфическая надпись черной краской. Диаметр донца, срезанного ножом при вращении круга 8 см. Диаметр венчика 20 см. Сосуд сделан из тщательно приготовленной глины, не содержащей посторонних примесей, прослеживаемых простым глазом, обжиг красноватый (рис. 15). Аналогичная поливная чаша известна в Замахшаре и датируется X-XI вв. (1, рис. 10, 3, стр. 290).

Среди комплекса единственным экземпляром найден фрагмент большой керамической, дисковидной, лепной крышки. Верхняя поверхность орнаментирована геометрическими фигурами в виде угольников, прямыми линиями, начерченными пальцем и острым пред-

метом. Нижняя поверхность ее гладкая. Диаметр крышки 0,8 м. Толщина 3 см (рис. 16).

Вышеописанный керамический материал на основе сравнительного анализа с материалами изученных памятников Южного Приаралья (1, рис. 8, 8, 26; 5, рис. 77, 9; 7, с. 26-27, рис. 8, П).

Таким образом, анализ строительных периодов, керамических материалов, а также результатов работ предыдущих исследователей позволяет сделать следующие выводы. Первоначальное кердерское поселение возникает в VII-VIII вв. Возникновение самой крепости относится к IX-XI вв. и в хорезмшахское время (XII-начало XIII вв.) пристраивается внутри башенное помещение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.). - Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1959.
2. Гудкова А. В. Ток-Кала. Ташкент, 1964.
3. Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части дельты Амударьи в 1958-1959 гг. - Материалы Хорезмской экспедиции, вып. № 6, М., 1963.
4. Гулямов Я. Г. Городище Багдат. Газета "Советская Каракалпакия". № 177, 7 сентября 1946 г.
5. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
6. Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР. Вып. 1, Нукус, 1985.
7. Хожаниязов Г., Хакимниязов Ж. Городище Дэвкескен-Вазир. Нукус, 1997.
8. Ягодин В. Н. Итоги и перспективы археологического изучения Приаральской дельты. // "Вестник" ФАН УзССР, № 1, 1965.

SUMMARY

Excavations of the ancient town Bagdat-kala gave new archaeological materials. It allows to find that preliminary in VII-VIII AD there was kerder's settlement and the castle arose in IX-XI AD but towers was built in XII-XIII AD.

ГОРОДИЩЕ САКСАУЛСАЙ

Е. Бижанов, Н. Юсупов, Г. Хожаниязов

Институт истории, археологии и этнографии ККОАНРУз.

Городище Саксаулсай впервые открыто и описано в 1960 году во время работ левобережного археологического экспедиционного отряда Каракалпакского филиала АН РУз. [1, с. 96]. В 1964 году Устюртским археологическим экспедиционным отрядом того же института снят план и произведена шурфовка [2, с. 85-86].*

Однако это городище до настоящего времени оставалось вне поля зрения исследователей и не введено в научный оборот. В результате наших исследований городища получены интересные и дополнительные материалы по типологической классификации и функциональному назначению памятников юго-восточного Устюрта, а также о времени поворота основного русла Амударьи.

Городище расположено в 59 км к северо-западу от города Кунграда, у подножия чинка Устюрта, в 1,5 км южнее озера Караумбет.

Памятник-квадрат в плане размером 38 x 40 м, ориентирован сторонами по странам света (рис. 1). Стены в виде сильно расплывшихся валов поднимаются над окружающей местностью на высоту не более 1 м. По всему периметру стен прослеживаются небольшие куски ракушечника, который, вероятно, использовали в кладке в качестве строительного материала. На юго-восточном углу в рельефе прослеживаются слабые очертания башни прямоугольной формы, охватывающей угол. На северной стене в середине имеется расширение, предположительно говорящее о том, что здесь также была башня.

*Выражаем искреннюю благодарность д. и. н. В. Н. Ягодину за предоставленный неопубликованный материал.

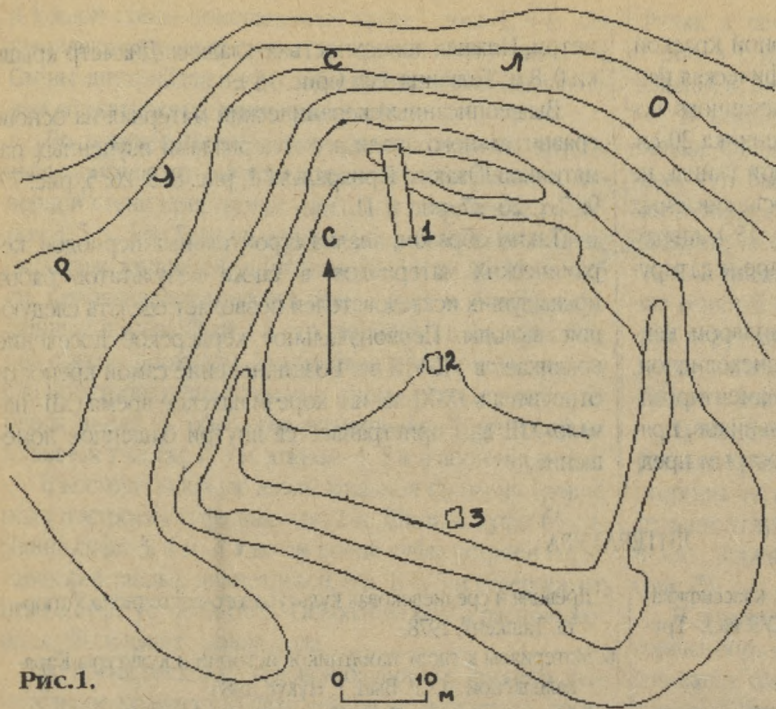

Рис.1.

В Хорезме въезды в крепости, которые имеют квадратную или прямоугольную форму в плане, обычно находятся в середине одной из стен. Изучаемый нами памятник, вероятно, не составлял исключения. В этом отношении, на наш взгляд, северная стена городища, которая сохранилась лишь на половину своей длины, имела проход.

Внутри городища никакой планировки не прослеживается. Вся его середина занята навеванным песком.

Керамический материал с поверхности незначительный и относится к хорезмшахскому периоду истории Хорезма.

Для более точного определения хронологии городища и его размеров по линии север-юг было заложено два шурфа и одна траншея.

Траншея (1) заложена у северной стены размером 3 x 2 м. Обнаружен остаток стены помещения высотой 0,3 м из ракушечника, а также на глубине 0,5-0,6 м культурный слой.

Шурф 1 (рис. 1, 2) заложен в центре города размером 2 x 2 м. Глубина 1,45 м. На материке, который состоит из аллювиального песка, имеется культурный слой толщиной 20-25 см. В нем найдено большое количество костей животных и фрагментов серо-глиняной керамики. Она представлена фрагментами венчиков хума с полочковидным венчиком (рис. 2, 1); ручками кувшинов, высоко поднятыми над венчиком (рис. 2, 2), тонкостенными чашами большого диаметра. Чаши представлены также небольшими фрагментами стенок и днищ, которые при обжиге обрели ровный кремевый цвет (рис. 2, 3, 4). Они покрыты бесцветной поливой и украшены прочерченным орнаментом. Поддон дисковидный.

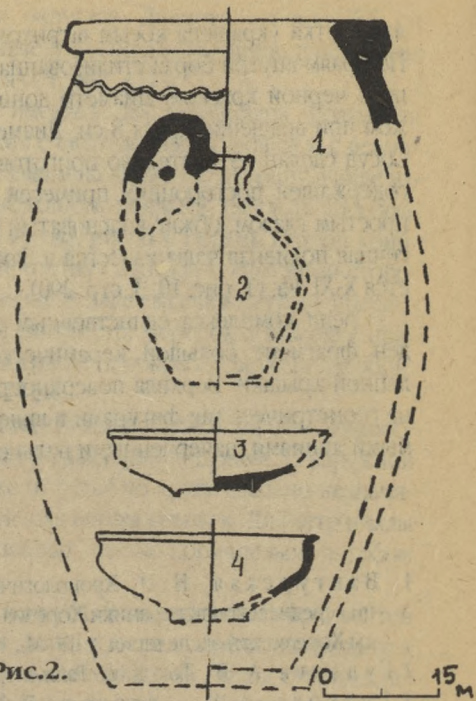

Рис.2.

Над культурным слоем лежит сильно запесоченный слой. В нем встречаются кости животных, угольки. На высоте 82 см от материка этот слой кончается. В верхней части он плавно переходит в глинистые слоистые напластования. Выше идет слой песка, который заканчивается на высоте 1,45 м от материка. В этом слое большое количество раковин. Он производит впечатление невеяного.

Второй шурф (рис. 1, 3) размером 2 x 2 м заложен у южной стены по профилю север-юг. На материке, который здесь состоит также из аллювиального песка, лежит слой слоистой намывной глины толщиной 30 см. Этот слой перекрыт слоем песка. В нем встречаются мелкие кости животных. Толщина этого слоя 10-15 см. Выше идет комковатая глина с прозеленью, образовавшаяся от разрушения стены. Толщина этого слоя 45-50 см. Он перекрыт слоем навеванного песка. Керамический материал в шурфе незначительный.

Аналогичные сосуды в средневековом Хорезме широко распространены в XII-нач. XIII вв. и известны по материалам Каваткалинского оазиса, городищ Наринджан, Шахсанем (3, рис. 36, 9, 23, 43, 44). Таким образом, керамический материал, полученный из шурфов, позволяет датировать городище XII-XIII вв.

Планировочная структура городища Саксаулсай уходит корнями в древность и раннесредневековье. Например, квадрат в плане с тремя в каждой стене известен в позднеантичной Ангка кале [4, с. 114; рис. 50]. Она широко была распространена в раннесредневековых замках (Буран кала 1, 2, Найб кала 1, 2) [4, с. 154-155, рис. 89-91, 5, с. 278; рис. 90, 4, 5].

В хорезмшахский период она известна в каваткалинском замке № 2 [5, с. 278, рис. 90, 3].

Сигнальная башня (5, 85 x 5, 85 м), находящаяся в 3 км к востоку от городища подробно описана и детально обследована археологами [4, с. 248, рис. 85, 6, с. 225, рис. 75, 6]. Здесь можно только добавить, что городище и башня возведены из одинаковых строительных материалов, т. е. из ракушечников и сырцового кирпича (23-25 x 23-25 x 5-6 см); в одно время они входили в один комплекс.

В связи с изучением городища Саксаулсай кала большой интерес представляют городища и сигнальные башни, расположенные на Восточном чинке Устюрта, на большом протяжении от Курганча на севере до юго-восточного выступа (Ербуран-кала) на юге. Изучение их было начато Хорезмской археолого-этнографической экспедицией [7, с. 74; 8, с. 27] и затем продолжено отделом археологии Каракалпакского отделения АН РУз. [6, с. 199 и сл.].

Анализируя средневековые письменные источники, С. П. Толстов пишет, что башни и городища юго-восточного чинка Устюрта явились единой системой сигнальных башен и военных крепостей, принадлежавших средневековому Хорезму и использовавшихся как оборонительная линия против набегов кочевников [4, с. 249]. Эта гипотеза нашла свое отражение также в работах Я. Г. Гулямова [9, с. 154], В. Н. Ягодина [1, с. 95], Е. Бижанова [10, с. 9, 11, с. 56], Ю. П. Манылова [6, с.

199 и сл. 12, с. 70-71]. Их специальное археологическое обследование позволило установить, что они одновременные, неоднородны типологически и не представляют вследствие этого, единой системы, а также показало ошибочность определения городищ в качестве хорезмийских военных крепостей. Высказано предположение, что они являлись караван-сараями, использовавшимися в торговле Хорезма с кочевниками и странами Восточной Европы (6, с. 273).

Однако, определять их в качестве караван-сараяев, как отметил В. Н. Ягодин, нельзя, т. к. они в планграфическом отношении существенно отличаются между собой [3, с. 172, 14, с. 102-108].

Пользуясь подробным анализом типологической характеристики В. Н. Ягодина, мы можем высказать предположение о том, что Саксаулсай кала является небольшим укрепленным поселением и контролировавшим крупный средневековый карьер Караумбет, где и поныне добывается пищевая соль, которая ценится местными жителями. То, что в это время соль добывалась в карьере Караумбет, доказывают находки в крепости Миздахкан [15, с. 66].

Городище базировалось на западной ветке русла Кыятжарган, который функционировал с IX по XIV вв. и являлся одним из основных дельтовых протоков, осуществлявшего главный сток амударьинских вод в Аральское море [16, с. 48].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ягодин В. Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи. МХЭ, вып. 7, М., 1963.
2. Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакской АССР, вып. 1. Ответ редактора В. Н. Ягодина. С. Мадияров. Нукус, 1985.
3. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, т. IV, М., 1959.
4. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
5. Толстов С. П. По следам древнехорезмской цивилизации. М., Л., 1948.
6. Манылов Ю. П. Средневековые хорезмские памятники Восточного чинка. Сб. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
7. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 г. ТХАЭЭ, т. II, М., 1958.
8. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1958-1961 гг. МХЭ. Вып. 6, М., 1963.
9. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
10. Бижанов Е. Археологические памятники юго-восточного Устюрта. АКД, Нукус, 1967.
11. Бижанов Е. Юго-восточный Устюрт. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения. ВКФ, 1970, № 3.
12. Манылов Ю. П. Сигнальные башни Султануиздага. ВКФ, 1969, № 3.
13. Ягодин В. Н. Стреловидные планировки Устюрта. Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент, 1991.
14. Ягодин В. Н. Типология средневековых городищ восточного чинка Устюрта. ВКФ, 1992, № 2.
15. Хожаниязов Г., Юсупов Н., Кдырнязов М. Ш., Торебеков М., Авизова А., Сайпанов Б., Багдасарова Н. Археологические исследования в некрополе Миздахкан. // Вестник ККФ АН РУз, 1989, № 3.
16. Сорокина Р. А., Ягодин В. Н. Археолого-геоморфологические работы в западной части Приаральской дельты Амударьи. ВКФ, Нукус, 1966, № 2.

SUMMARY

Site of ancient citadel Saksaulsay which falls into IX-XIV AD is described. Few version of the arising of this tower are critically revised. Most reliably presuppositions are that Saksaulsay was small fortified settlement and controlled salt diggings Karaumbet.

Археологические Вести

№ 9

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2002

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И АБСОЛЮТНОЙ ДАТИРОВКИ ТАЗАБАГЪЯБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

(по материалам могильника Кокча 3)

Ю. Г. КУТИМОВ¹

В конце 30-х годов XX века, в ходе археологических исследований Хорезмской экспедицией территории Южного Приаралья, на правом берегу низовий Амударьи археологи обнаружили остатки разветвленных стоянок, на которых была найдена лепная плоскостенная керамика с геометрическим орнаментом, по своему внешнему облику весьма близко напоминавшая керамику степных памятников Поволжья и Казахстана. С. П. Толстов назвал культуру, к которой принадлежали эти археологические комплексы, тазабагъябской и указал на наличие в её керамическом материале большого числа сходных мотивов с керамикой срубной и андроновской культур эпохи поздней бронзы степной зоны Евразии (Толстов 1939: 174, 175; Толстов 1940: 70, 71).

Происхождение тазабагъябской культуры первоначально связывалось с неолитической кельтеминарской культурой, при этом не исключалось, что в её формировании приняли участие отдельные группы населения срубно-андроновской культурной общности (Толстов 1948: 76). Однако в дальнейшем появилась точка зрения, что тазабагъябская культура обязана своим появлением на территории Южного Приаралья приходу сюда из степей смешанных срубно-андроновских племен и синтеза их с местной суярганской культурой. Вступив в контакт, срубно-андроновское население полностью поглотило и ассимилировало в своей среде влившуюся в него часть местного суярганского элемента (Толстов 1962: 57, 59; Итина 1977: 139, 140; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 150; Кузьмина 1988: 50).

Погребальные комплексы тазабагъябской культуры на территории Южного Приаралья

известны по раскопкам единственного, обнаруженного здесь, могильника Кокча 3, исследованного Хорезмской экспедицией в 1954—55 и 1977 годах под руководством М. А. Итиной. Результаты этих раскопок опубликованы в материалах и трудах Хорезмской экспедиции (Итина 1961: 3—96; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—152).

Могильник Кокча 3 расположен в низовьях древней дельты Амударьи, в одном из ее сухих русел — Акчадарье. Всего на площади могильника было обнаружено 118 погребений. Хорошую сохранность имели только 53 погребения, в которых были захоронены 74 человека. В остальных погребениях частично сохранился только инвентарь, из них, судя по размерам могильных ям, большинство захоронений были детскими. Конструкция погребальных сооружений могильника Кокча 3 одинакова для всех захоронений и представляла собой простые грунтовые ямы прямоугольной или подквадратной формы с округленными углами со средними размерами 1,9 × 1,5 × 0,5 м без надмогильных сооружений. Длинные оси могил ориентированы с востока на запад. Из числа хорошо сохранившихся погребений 37 принадлежали взрослым и 16 детям. Большинство могил содержали одиночные захоронения — всего 32 погребения — из них 14 мужских, 5 женских и 13 детских (рис. 1: 3, 4), но присутствовали также и двойные захоронения (всего 21 погребение), из которых 15 разнополых парных погребений взрослых (большинство из них одновременные), а также 2 женских, 3 детских и 1 погребение женщины с ребенком. Все умершие похоронены по обряду трупоположения, костяки в могилах лежали скорченно,

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

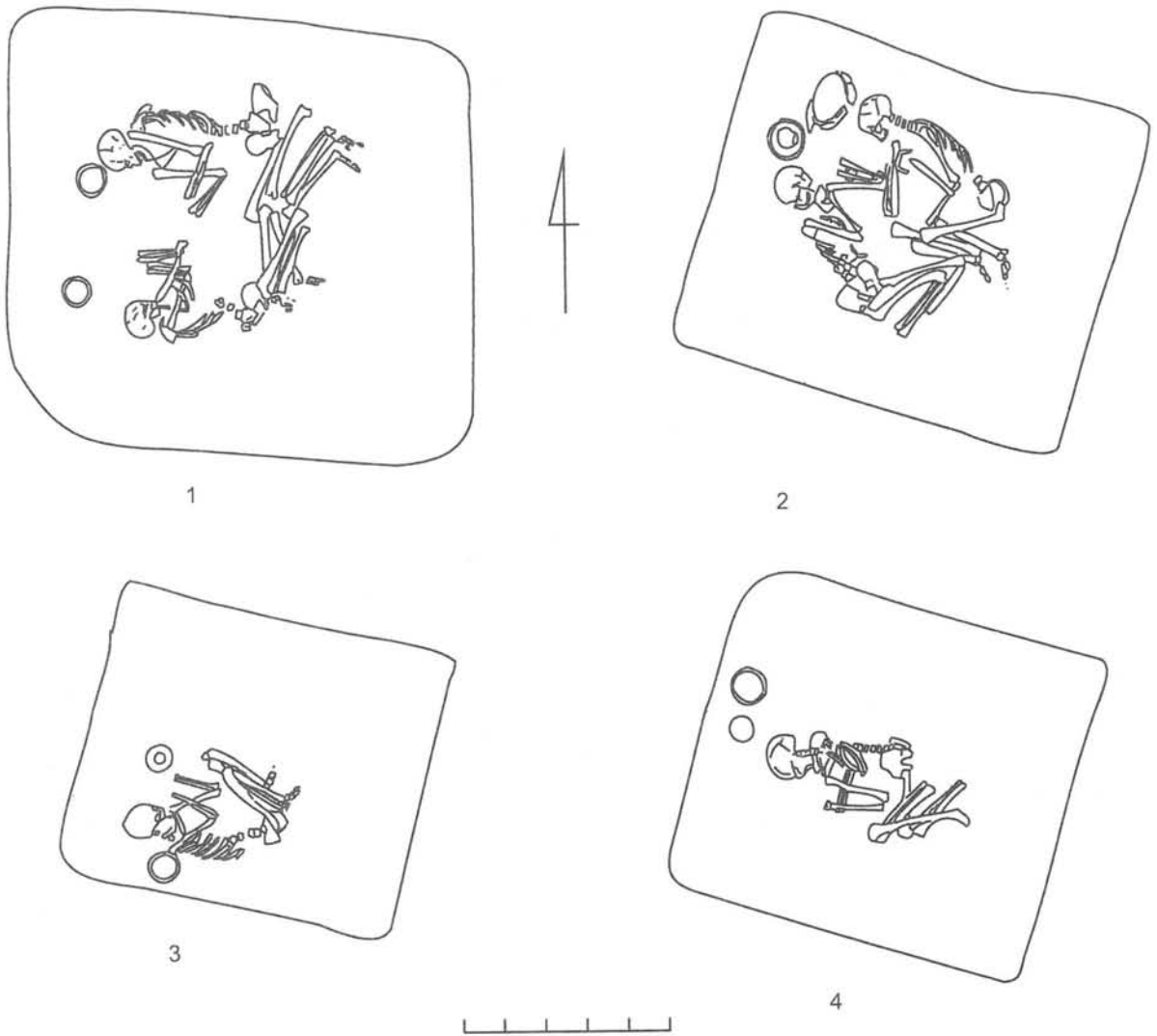

Рис. 1. Типы погребений могильника Кокча 3: 1, 2 — парные разнополюе погребения; 3, 4 — одиночные погребения.
 Fig. 1. The types of burials of the Kokcha III burial-ground: 1, 2 — paired heterosexual burials; 3, 4 — single burials.

мужчины на правом боку, женщины на левом, кисти рук расположены под головой или перед лицом. Ориентировка погребенных западная, с некоторыми (по всей видимости, сезонными) отклонениями к югу и северу. Характерной особенностью парных разнополюх погребений могильника Кокча 3 является однообразное положение умерших: скорченно на боку, мужчина на правом, женщина на левом, лицом друг к другу (рис. 1: 1, 2) (Итина 1961: 11—49, рис. 3, 6, 8, 11, 13, 15; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—137, рис. 32, 36).

Сопроводительный инвентарь могильника Кокча 3 представлен разнообразной по форме лепной плоскодонной посудой и металлическими изделиями.

Керамический комплекс могильника составляют 118 сосудов. В погребениях посуда (обычно от 1 до 3 сосудов) почти всегда стоит около головы умершего. Тесто сосудов содержит большую примесь толченых раковин и дресвы.

Обжиг их неравномерен, внешняя поверхность пятнистая. Наибольшую часть керамического комплекса представляют сосуды с изогнутым либо прямым горлом, небольшим, слегка отогнутым венчиком, крутыми плечиками и узким дном. Также присутствует посуда других форм: близкие к баночным сосуды, имеющие иногда сглаженный уступчик на месте плеча (рис. 2: 1—5) и биконические сосуды. Орнамент на сосудах расположен зонально на шейке и плечиках, между зонами проходят параллельные ряды горизонтальных желобчатых полос. Орнаментальные элементы составляют равнобедренные и незамкнутые треугольники, треугольники с «ресничками», ломанные линии, «елочка», в единичных случаях меандр. Техника нанесения орнамента резная, гребенчатое исполнение зафиксировано всего лишь на четырех сосудах (Итина 1961: 63—74, рис. 4, 5, 7, 9, 10, 12, 14; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 142—147, рис. 33, 35, 37, 38).

Комплекс металлических изделий могильника Кокча 3 состоит, главным образом, из женских украшений, изготовленных из бронзы. Это височные подвески восьмеркообразной формы (рис. 3: 1—3), выпукло-вогнутые пластинчатые браслеты с незамкнутыми заходящими концами, украшенные маленькими насечками вдоль наружных краев поверхности (рис. 3: 4, 5), колечки, а также несколько бронзовых игл. Кроме этого, в женских погребениях были найдены разнообразные бронзовые, каменные, пастовые и глиняные бусы. Сопроводительный инвентарь мужских погребений, кроме посуды, включал в себя бронзовые шилья с костяной рукояткой (рис. 3: 6, 7). Предметы украшения обнаружены только в женских захоронениях: при умершей лежало, в среднем, два браслета, надетые на запястья рук, и две подвески, расположенные в области височных костей (Итина 1961: 74—89, рис. 23—28; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147—149, рис. 34).

Антропологические исследования костных останков погребенных могильника Кокча 3 показали, что здесь смешаны два типа населения: 1) неизвестный и 2) протоевропейский (андроновский). Преобладающий тип — второй (Трофимова 1961: 143).

Датировка тазабагьябской культуры, предложенная авторами раскопок в работах ранних лет, остается практически без изменения и в их более поздних публикациях. М. А. Итина первоначально датировала тазабагьябскую культуру серединой—концом II тыс. до н. э. (Итина 1959: 54), затем серединой—второй половиной II тыс. до н. э. (Итина 1977: 22), либо же XIV—XI вв. до н. э. (Итина 1998: 85). Близкой датировки тазабагьябской культуры придерживается Е. Е. Кузьмина: XV—XI вв. до н. э. (Кузьмина 1988: 50), или XV—XIII вв. до н. э. (Кузьмина 1994: 229). Материалы могильника Кокча 3 М. А. Итина относит к XIII—XI вв. до н. э., оставляя эти хронологические рамки в своих работах традиционно неизменными (Итина 1961: 89; Итина 1977: 22; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147, 150; Итина 1998: 85).

На фоне существенных успехов в исследовании степных обществ эпохи поздней бронзы Евразии, достигнутых за последние два десятилетия, состояние дел в изучении археологических комплексов степного типа эпохи поздней бронзы Средней Азии в настоящее время вряд ли следует считать удовлетворительным. Вследствие значительного отставания в данной области археологических изысканий, возникает необходимость качественно нового переосмысления существующих по сей день старых научных теорий, связанных с изучением древних культур Средней Азии. Встав на эти позиции, мы должны признать, что культурная интерпре-

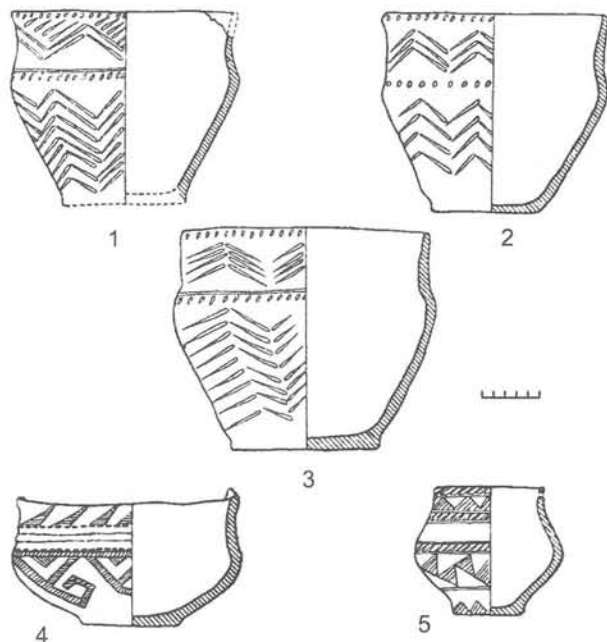

Рис. 2. Керамика из погребений могильника Кокча 3: 1—3 — сосуды позднеалакульского типа; 4—5 — сосуды с федоровскими элементами ornamentации.

Fig. 2. The pottery from graves of the Kokcha III burial-ground: 1—3 — vessels of the late Alakul type; 4—5 — vessels with the elements of decoration of Fedorovo type.

тация и хронологические даты, предлагаемые для тазабагьябской культуры, являются, исходя из современного уровня знаний о степных культурах эпохи поздней бронзы Евразии, не совсем оправданными.

Традиция погребения в простых грунтовых ямах могильника Кокча 3 не находит себе прямых аналогий в памятниках степной зоны Евразии эпохи поздней бронзы. Погребальный обряд срубной культуры характеризуется сооружением сложных погребальных конструкций: сверху могильные ямы часто перекрывались накатами из бревен, внутреннее пространство могил содержало различного рода опорные столбы, балки, срубы — рамы. Дно большинства могил выстилалось древесной корой или травой. Весьма широко использовалась подсыпка из мела, охры и золы. Иногда применялась кремация покойного. Обязательным элементом погребального обряда срубных племен являлась курганный насыпь, под которой могло размещаться до 25 отдельных погребений. Положение покойника в могиле и его ориентировка сохранялись без изменений на всем протяжении существования срубной культуры: умершего, вне зависимости от пола и возраста, укладывали скорченно на левый бок, головой на восток, север, либо северо-восток (Семенова 1983: 12—15; Горбунов 1992: 26).

Погребальные комплексы андроновской культурной общности также содержат боль-

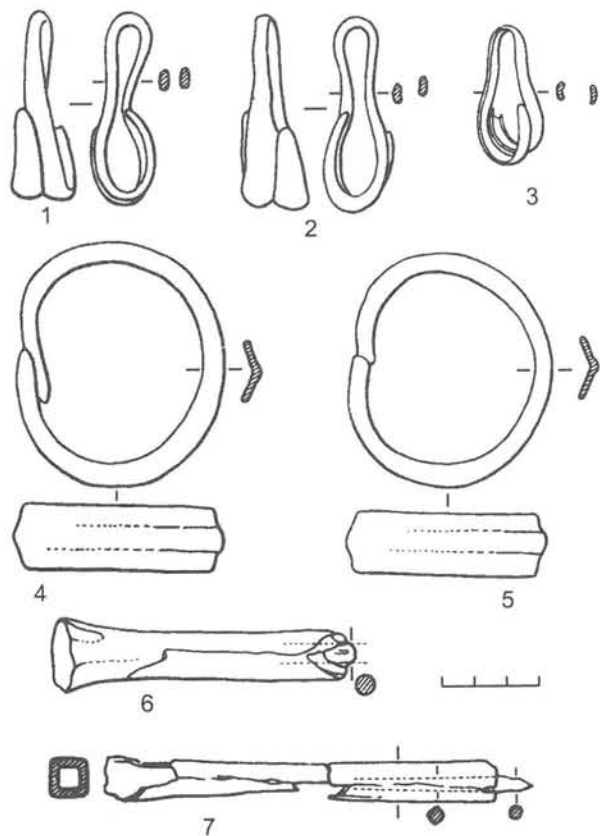

Рис. 3. Погребальный инвентарь могильника Кокча 3: 1—восьмеркообразные височные подвески; 2—желобчатые браслеты; 3—шилья с костяной ручкой.

Fig. 3. The grave goods from the Kokcha III burial-ground: 1—3—temporal pendants; 4—5—convex-concave lammellate bracelets; 6—7—awls with bone handle.

шее разнообразие обрядовых элементов, при этом отдельные черты андроновской традиции захоронения умерших сохранились в процессе смены всех ее хронологических этапов.

Погребения петровского времени характеризуются наличием глиняных обмазок стенок и пола камеры, бревенчатых обкладок — срубов, использованием каменных плит для перекрытий, курганных захоронений с круговой планировкой могил. Погребенные вне зависимости от пола лежат на левом боку, скорченно, головой обычно на запад и северо-запад. Алакульский погребальный обряд имеет много общего с петровским: круговая планировка кладбищ, курганные захоронения и погребения в каменных оградах с пристройками, использование деревянных рам и каменных ящиков. Погребенные, как мужчины, так и женщины, лежат в большинстве случаев на левом боку, скорченно, головой преимущественно на запад. В некоторых случаях применялась кремация умерших. Федоровские погребения большей частью представлены земляными курганами с каменными

обкладками и захоронениями в каменных оградах различных форм, которые иногда составляют целые коридорные группы. Отличительной чертой федоровских могильников являются погребения в цистах — ящиках, сложенных из каменных плиток, а также в могилах с каменными обкладками стенок. Обряд кремации в федоровское время достигает пика своего развития. Ориентировка могильных ям по линии восток — запад отличается устойчивостью по всему региону распространения носителей федоровской культуры (Зданович 1988: 134—147).

Ближайшие территориальные аналогии погребениям в виде простых прямоугольных ям могильника Кокча 3 известны в алакульском могильнике Тасты-Бутак (Актюбинская область, Западный Казахстан). Однако здесь все погребения имеют надмогильные сооружения в виде оградок из сложенных камней, большинство из которых являются коллективными, объединяющими несколько могил в группы (Сорокин 1962: 28).

Таким образом, традицию погребения умерших в простых грунтовых ямах без надмогильных сооружений могильника Кокча 3 следует рассматривать в качестве местного обряда захоронения, в чистом виде присущего только племенам тазабагыябской культуры.

Западная ориентировка умерших, в целом, характерна только для андроновской культуры, стало быть подобное направление ориентировки погребенных в могильнике Кокча 3 объясняется андроновским влиянием. Что касается четко выраженной в могильнике Кокча 3 традиции укладывания мужчин на правом, а женщин на левом боку, то на территории Средней Азии, кроме могильника Кокча 3, такое положение умерших имеет широкое распространение в погребальных комплексах местного оседло-земледельческого и скотоводческого населения эпохи поздней бронзы, а именно культуры Сапалли на территории Южного Узбекистана — могильники Джаркутан и Бустан (Аскарлов 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983) и бишкентской культуры в Южном Таджикистане — могильник Ранний Тулхар (Мандельштам 1968). Исходя из этого, М. А. Итина делает вывод о культурном влиянии земледельческих культур юга Средней Азии на тазабагыябские племена Южного Приаралья, в результате которого тазабагыябцы перенимают и усваивают данную традицию погребального обряда (Итина 1977: 214—216; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 149, 150; Итина 1987: 68). По мнению М. А. Итиной, это подтверждается находками в тазабагыябских комплексах отдельных предметов, свидетельствующих о не-

посредственных контактах тазабагъябского населения с южными земледельческими культурами. В число этих немногочисленных находок входят единичные фрагменты гончарной керамики типа Намазга VI, найденные на поселениях Кокча 15 и 15А, литейная форма для отливки булавки с биспиральным навершием с поселения Кокча 15А, бронзовая булава с лопаточковидным навершием с поселения Джанбас 35, фрагменты фигурок животных из необожженной глины с поселения Джанбас 30 и пр. (Итина 1986: 132). Однако количество находок такого рода на территории Южного Приаралья невелико, найдены они все в нестратифицированных и, большей частью, разветренных слоях жилищ, что вызывает некоторые сомнения в их тазабагъябской принадлежности (в погребениях могильника Кокча 3, например, нет ни одной подобной вещи). Поэтому у нас нет оснований рассматривать эти находки в качестве свидетельства существования развитых культурных связей. Если бы действительно имело место культурное взаимодействие между двумя группами разнородного населения, в ходе которого тазабагъябские племена выступали в качестве реципиента культурных традиций земледельческих племен юга Средней Азии, то в данном случае этот процесс должен был оставить более глубокий след в материальных комплексах тазабагъябской культуры.² Таким образом, достоверно говорить о глубоком и разностороннем влиянии местных среднеазиатских культур на пришлое тазабагъябское население Южного Приаралья невозможно, так как мы не имеем для этого достаточно убедительного фактического материала.

В связи с отсутствием на данном уровне знаний доказательств культурного влияния на тазабагъябские племена земледельческих культур Средней Азии, представляется возможным выдвинуть в качестве гипотезы следующее объяснение появления в погребальном обряде тазабагъябской общности традиции укладывания в могилу мужчин на правом, а женщин на левом боку.

В погребениях андроновской культуры на алакульском этапе ее развития в одиночных захоронениях умершие — как мужчины, так и женщины — в большинстве случаев лежат на левом боку. Наряду с этим, в среде алакульских племен достаточно часто практиковалось положение погребенных и на правом боку. Например, в упомянутом выше мо-

гильнике Тасты-Бутак количество погребенных на левом боку составляло 73,6 % от общего числа, на правом боку — 26,4% (Сорокин 1962: 35). В раннеалакульском Ветлянском могильнике (нижнее течение р. Илек, Уральская область) большинство умерших также было уложено на левом боку, на правом боку лежало только 22,6% погребенных (Горбунов 1992: 27). Вместе с тем, в парных разнополюх алакульских погребениях существовал обычай, согласно которому женщина в могиле укладывалась всегда лицом к мужчине. Данная черта погребального обряда наблюдается практически на всей территории обитания алакульских племен (Сальников 1952: 63; Сорокин 1962: 92; Евдокимов 1984: 11; Зданович 1988: 143). Соответственно, если в парных разнополюх алакульских погребениях мужчина лежит на левом боку, то женщина на правом, и наоборот, если мужчина на правом боку, то женщина на левом. Например, в могильнике Тасты-Бутак обнаружено семь парных разнополюх погребений, из них в пяти погребениях мужчина лежал на левом боку, а женщина на правом, и в двух погребениях мужчина на правом, а женщина на левом боку (Сорокин 1962: 92).

Данный обряд строго соблюдается в могильнике Кокча 3, где во всех пятнадцати парных разнополюх погребениях умершие лежат лицом друг к другу — мужчина на правом боку, а женщина на левом (Итина 1961: 56; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 138). По всей видимости, семантика этого обряда близко связана с идеей противопоставления мужчины и женщины в древнем обществе — идеи двух изначально противоположных знаковых систем. Исходя из этого, можно предположить, что традиция мужского и женского расположения в погребальном обряде тазабагъябской культуры Южного Приаралья, где фиксируется четкое противопоставление мужского и женского положения в могилу, является определенным рода трансформацией обрядовых норм парного разнополого захоронения алакульской культуры. Ментальное переосмысление старых и устойчивых представлений, существовавших в среде алакульцев (вероятно, связанных со статусом общественных отношений мужчины и женщины), выразилось в появлении новой формы погребальной практики у тазабагъябского населения, в сложении которого основное участие приняли алакульские племена. В степной зоне такое положение по-

² Ярким примером материального отражения контактов пришлое степного и местного земледельческого населения в эпоху поздней бронзы на территории Средней Азии, в процессе которых произошла синкретизация двух различных культурных групп населения, являются археологические комплексы, обнаруженные на территории Южного Таджикистана — могильники Дашти-Кози, Кумсай, Тандырйул, поселения Кангуртут, Тегузак и др. (Исаков, Потемкина 1989; Виноградова, Пьянкова 1990; Виноградова 1991; Пьянкова 1999; Виноградова 2000).

гребенных характерно только для алакульской культуры, в срубных парных разнополых погребениях оба умерших — и мужчина и женщина — укладывались в большинстве случаев на левый бок, женщина всегда за спиной мужчины.

На территории Средней Азии парные разнополые погребения подобного рода, где мужчина и женщина лежат лицом друг к другу, известны, главным образом, в так называемых «ямах со спуском» Раннего Тулхарского могильника бишкентской культуры, среди которых имеются как одновременные, так и разновременные захоронения (Мандельштам 1968: 7—34, рис. 4, 8, 9, 11, 18, 20, 22, 24). В погребениях сапаллинской культуры парных разнополых захоронений весьма мало и практически все они разновременны. Большая часть из них «двухуровневые», то есть в одиночной могиле, где уже лежал один усопший, подсыпался слой земли, на котором размещались останки второго. В тех же немногочисленных парных погребениях, где оба костяка лежат на одном уровне, можно отметить, что по отношению друг к другу в одних случаях умершие расположены лицом, а в других спиной (Аскарлов 1973: 52, рис. 23, табл. IV; Аскарлов 1977: табл. II; Аскарлов, Абдуллаев 1983: 10, 48, табл. I). На наш взгляд, расположение мужчины и женщины в парных погребениях бишкентской и сапаллинской культуры обуславливалось принципами погребального обряда при совершении захоронений в могилах катакомбного типа (ямы со спуском Раннего Тулхарского могильника в таком случае можно рассматривать как вариант катакомбных погребений). Данный принцип погребальной практики исходил, как нам представляется, из правила взаимного расположения мужчины и женщины в пределах одного погребального пространства. В сапаллинской культуре умершие в одиночных погребениях катакомбного типа всегда укладывались вдоль стенки, противоположной входу в камеру: мужчина спиной ко входу, а женщина — лицом. Общая картина парного погребения, в таком случае, зависела от очередности захоронений: если первым был похоронен мужчина, то умершие лежат спиной друг к другу, если первой была женщина — тогда лицом. В бишкентской культуре в одиночных погребениях умершие — и мужчина и женщина — в большинстве случаев укладывались в могиле лицом ко входу (спуску), вдоль стенки камеры, противоположной спуску, мужчина всегда на правом боку, а женщина на левом. Однако в парных погребениях мужчина укладывался в соответствии с традицией одиночного захоронения — вдоль стенки камеры, противоположной входу, лицом ко входу, а женщина рядом с ним, но уже спиной ко входу и лицом к мужчине. В некоторых одиночных

погребениях могильника Ранний Тулхар отмечается положение женщины спиной ко входу (мог. № 29, 30, 48). Данные погребения, по всей видимости, следует рассматривать в качестве символически «парных», где тело мужчины отсутствует, но для него как бы оставлено место в могиле.

Таким образом, несмотря на факт общего сходства мужского и женского труположения в сапаллинской, бишкентской и тазабагыябской культурах, у нас все же нет оснований для определения достоверных генетических связей в погребальном обряде названных археологических комплексов. Следует также указать на очевидный хронологический разрыв между тазабагыябской и бишкентской культурами (вторая по ряду признаков синхронизируется с саргаринским временем развития андроновской культурной общности).

Особенности тазабагыябской культуры проявляются также в керамическом комплексе могильника Кокча 3, в материалах которого присутствует определенный набор признаков, позволяющих уточнить хронологические рамки ее существования. Во-первых, следует отметить полное отсутствие валиковой посуды, массовое распространение которой в степной зоне происходит начиная только с XIV—XIII вв. до н. э., то есть со времени сложения так называемой «общности культур валиковой керамики», основными носителями которой являлись саргаринско-алексеевская и ивановская культуры. Во-вторых, наличие в керамических комплексах могильника Кокча 3 горшковидных сосудов со сглаженным уступчиком на месте плечика и елочным орнаментом по тулову, традиция которых в степной зоне четко датируется позднеалакульским временем (рис. 2: 1—3) (Зданович 1988: 112). Резная техника нанесения орнамента также сближает тазабагыябскую керамику с алакульской. В-третьих, на посуде могильника Кокча 3 присутствует относительно небольшое число орнаментальных элементов (например, косых заштрихованных треугольников по венчику вершинами вверх; геометрического меандра; групп треугольников на тулове, соединенных углами; зигзагообразных линий), которые в большей степени характерны для керамики федоровской культурной традиции (рис. 2: 4, 5).

Что касается женских металлических украшений, обнаруженных в могильнике Кокча 3, то все они имеют андроновскую принадлежность. По заключению Н. А. Аванесовой, которая провела типологический анализ металлических изделий андроновской культуры, бронзовые восьмеркообразные височные подвески (типа IB2 по Аванесовой) являются

«этнической особенностью алакульских памятников» (Аванесова 1979: 17; Аванесова 1991: 54). Данный тип подвесок был широко распространен в контактной зоне обитания алакульских и срубных племен и хронологически появляется только на поздних этапах развития алакульской и срубной культуры. Пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты с заходящими концами (типа IIIA2 по Аванесовой) также появляются в алакульское время (Аванесова 1991: 68), хотя позднее они достаточно часто встречаются и в федоровских комплексах.

Таким образом, анализ погребальных комплексов могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 показывает, что данный материал содержит определенное число признаков, которые находят себе аналогии в культурных традициях различных родственных (андроновских) групп степного населения Евразии эпохи поздней бронзы — алакульской (на ее позднем этапе развития) и, отчасти, федоровской. Отдельные элементы культурных традиций этих групп степного населения, смешавшись, составили неповторимое своеобразие тазабагыябской культуры.

Шкала относительной периодизации андроновских памятников степной зоны Евразии в настоящее время имеет достаточно устойчивые хронологические рамки. Н. А. Аванесова, опираясь на результаты типологического анализа металлических изделий, разделила андроновскую общность на ряд культурно-хронологических этапов: а) петровский: XVII—XVI вв. до н. э.; б) алакульский: XV—XIV вв. до н. э.; в) кожумбердинский: XIV в. до н. э.; г) федоровский: конец XIV—XIII вв. до н. э.; д) замараево-бегазинский (валиковой керамики): XII—IX вв. до н. э. (Аванесова 1979, 1991). Г. Б. Зданович на основе стратиграфического изучения андроновских поселений северного Казахстана установил следующую последовательность развития андроновской общности: а) петровская культура: XVII—XV вв. до н. э.; б) алакульская культура: XV—XIV вв. до н. э.; в) федоровская культура: XIV—XII вв. до н. э.; г) саргаринско—алексеевская культура: XII—IX вв. до н. э. (Зданович 1988).

Полученные во второй половине 90-х гг. новые результаты радиоуглеродного анализа ряда погребений могильника Синташта позволяют несколько удревнить традиционные хронологические рамки существования андроновской культурной общности. Исходя из калиброванных данных радиоуглерода, раннеандроновские (синташтинско-петровские) комплексы могут быть датированы XXI—XVIII вв. до н. э. (Трифонов 1997: 95, табл. 1). Вследствие этого вниз сдвигается вся шкала андроновской хронологии, в соответст-

вии с которой алакульская культура будет датироваться XVII—XVI вв. до н. э., федоровская культура — XV—XIV вв. до н. э., саргаринско-алексеевская культура — XIV—XIII вв. до н. э.

Таким образом, материалы погребений могильника Кокча 3 показывают, что появление тазабагыябской культуры на территории Южного Приаралья по шкале хронологии андроновской культуры следует относить к позднеалакульскому — раннефедоровскому периоду развития андроновской культурной общности, то есть к концу XVI — началу XV вв. до н. э.

Общий период существования тазабагыябской культуры на территории Южного Приаралья, по всей видимости, был непродолжительным. В пользу этого заключения свидетельствуют, с одной стороны, практически абсолютная типологическая идентичность керамики могильника Кокча 3 и тазабагыябских стоянок, неоднократно отмечаемая самими авторами раскопок (Итина 1961: 72; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 143—147), позволяющая синхронизировать материалы стоянок и могильника, а с другой — полное отсутствие динамики развития погребального обряда могильника Кокча 3, где совершенно одинаковый набор обрядовых признаков характерен для всех погребений. Однообразие погребального обряда выражается в конструкции погребений (обычная грунтовая яма), способе трупоположения (мужчина на правом боку, женщина на левом), ориентировке погребенных (строго на запад), составе погребального инвентаря (браслеты и подвески в женских погребениях, шилья с костяной ручкой в мужских), принципе размещения сопроводительного инвентаря в погребениях (посуда стоит около головы умершего).

Непродолжительное существование тазабагыябской культуры, кроме того, подтверждается математическим расчетом палеодемографической модели коллектива, оставившего в процессе своей жизнедеятельности могильник Кокча 3, которая вычисляется по формуле: $\frac{N}{n} = \frac{T}{\Delta t}$, где N — количество погребенных в могильнике; n — количество людей, составлявших общину за все время функционирования могильника; T — продолжительность функционирования могильника; Δt — средний возраст погребенных. Если мы, преобразуя данную формулу, рассчитаем значение n исходя из предложенных М. А. Итиной хронологических рамок функционирования могильника Кокча 3 в пределах XIII—XI вв. до н. э. (то есть, T = 300 лет), то, принимая за средний возраст погребенных цифру в 40 лет и зная примерное их количество (всего обнаружено 118 могильных ям, в них сохранились остатки

74 человек), получим следующий результат: $n = \frac{\Delta t}{T} N = \frac{40}{300} 118 = 15,7$ человек. Данные цифры, конечно же, не претендуют на абсолютную точность, но даже с учетом всех возможных поправок значений Δt и N коэффициент расхождения значения n при $T = 300$ лет составит не более 20% от полученного, что в любом случае будет являться недопустимо малой величиной. Вследствие этого, широкая датировка могильника Кокча 3 в пределах нескольких сот лет выглядит сомнительной. Надо полагать, общая продолжительность функционирования могильника Кокча 3 не превышала нескольких десятилетий, что, как уже было отмечено выше, подтверждается однообразием погребального обряда данного памятника, в захоронениях которого наблюдается ярко выраженная консервативность обрядовых признаков.

Подводя общие итоги работе, представляется возможным сделать следующие выводы. Тазабагыбские племена, судя по материальной культуре, отраженной в могильнике Кокча 3, существовали на территории Южного Приаралья весьма непродолжительное время. Судьба их, надо полагать, в общих чертах сходна с судьбой федоровских племен, проникнувших в ходе миграций на территорию Южной Сибири, где, оторвавшись от основной территории обитания и исчерпав собственные людские ресурсы, они вскоре исчезли, не оказав значительного влияния на местное население.³ По всей видимости, аналогичная ситуация складывалась и в среде тазабагыбской культуры: отдельная группа степных племен позднеалакульского облика, достигнув Южного Приаралья, осваивает эту область, но через определенный промежуток времени в силу различных причин прекращает свое существование на данной территории.

На территории Средней Азии археологические комплексы тазабагыбского типа, кроме Южного Приаралья, известны в низовьях р. Заравшан, где обнаружено более 20 сильно разветвленных стоянок (Гуджайли, Пайкент, Большой Тузкан, Малый Тузкан и др.), с поверхности которых была собрана коллекция керамики, имеющей значительное сходство с керамикой тазабагыбской культуры, а также небольшой (всего 5 погребений) могильник Гуджайли и отдельное погребение в местечке Кызыл-Кыр, инвентарь которых, кроме керамики, составляли пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты и восьмеркообразные височные подвески тазабагыбского вида (Гулямов, Исламов, Аскарлов 1966: 187—207, 224, таб.

XXIII—XXXVIII). Наибольшее же число находок керамики тазабагыбского типа в глубинных районах Средней Азии концентрируется на территории юго-восточного Туркменистана в земледельческих оазисах дельты Мургаба времени Намазга VI, где значительное количество фрагментов посуды тазабагыбского облика было собрано с такыров, окружавших древнеземледельческие поселения (Кутимов 1999: 321). Таким образом, территория Южного Приаралья для тазабагыбских племен являлась своего рода промежуточным пунктом на пути их миграционного движения из степной зоны во внутренние районы Средней Азии, которое, как видно, большей частью было направлено к земледельческим оазисам древней дельты Мургаба времени Намазга VI. По всей видимости, с территории Южного Приаралья тазабагыбские племена продвигались вглубь Средней Азии, следуя вдоль русла Амударьи. Какая-то часть этих племен, добравшись до устья Заравшана, поднялась вверх по реке, другая группа, повернув на юго-запад, постепенно достигла земледельческих оазисов дельты Мургаба.

Основным культурным компонентом, принявшим участие в сложении тазабагыбской общности, является позднеалакульский субстрат, что находит наиболее полное отражение в материальных комплексах могильника Кокча 3. Наличие в керамическом материале тазабагыбских погребений небольшого числа орнаментальных мотивов федоровского типа свидетельствует либо о возможном незначительном включении носителей федоровской культуры в тазабагыбскую среду, либо, что более вероятно, федоровские племена не принимали непосредственного участия в сложении тазабагыбской культуры, а имели место только определенного рода культурные контакты между тазабагыбским и федоровским населением, в результате которых тазабагыбцы заимствовали отдельные элементы федоровской традиции керамического производства. В целом, датировка тазабагыбской культуры укладывается в пределах конца XVI—начала XV вв. до н. э.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в рамках данной статьи была затронута лишь небольшая часть проблем, связанных с изучением тазабагыбской культуры эпохи поздней бронзы Южного Приаралья. Круг этих проблем, однако, значительно шире и все они требуют своего решения. В работе, например, намеренно не рассматривался такой немаловажный вопрос, как степень участия срубных племен в сложении тазабагыбской культуры. Несомненно, что наряду с позднеа-

³ Отдельные группы федоровских племен с территории Южной Сибири впоследствии мигрировали на юг Западной Сибири.

лакульским субстратом какая-то часть носителей срубной культуры приняла участие в формировании тазабагьябской общности. Однако вопрос о том, насколько полно данный процесс отразился в материальных комплексах тазабагьябской культуры, остается пока открытым. В свое время С. П. Толстов сделал вывод, поддержанный впоследствии М. А. Итиной и Е. Е. Кузьминой, что срубно-андроновские племена пришли на территорию Южного Приаралья уже в смешанном виде, их синкретизация произошла в процессе миграций на территории, лежащей к северу от Аральского моря, где-то в Южном Приуралье или Западном Казахстане (Толстов 1962: 57, 59; Итина 1977: 139, 140, 176; Кузьмина 1988: 50). А. М. Мандельштам, со своей стороны, пришел к заключению, что срубный компонент в

тазабагьябской культуре «вторичный и поздний, влившийся в состав ранее передвинувшихся в Хорезм носителей какого-то локального варианта андроновской культуры» (Мандельштам 1972: 7). Во всех случаях эти выводы были сделаны исходя из большей или меньшей степени поверхностного анализа тазабагьябских комплексов, конкретных исследовательских работ по этой теме еще не проводилось. Для решения этой проблемы необходима более детальная проработка тазабагьябского материала, в первую очередь керамики. В целом, комплексного рассмотрения требуют вопросы периодизации не только тазабагьябской общности, но и всех остальных археологических культур эпохи бронзы Южного Приаралья.

- Аванесова, Н. А.* 1979. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент.
- Аскарлов, А. А.* 1973. Сапаллитепе. Ташкент.
1977. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Аскарлов, А. А., Б. Н. Абдуллаев.* 1983. Джаркутан. Ташкент.
- Виноградов, А. В., М. А. Итина, Л. Т. Яблонский.* 1986. Древнейшее население низовий Амударьи // Труды Хорезмской экспедиции XV. Москва.
- Виноградова, Н.* 1991. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии 18: 68—88. Москва.
- Виноградова, Н. М.* 2000. Исследование контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: 89—109. Москва.
- Виноградова, Н., Л. Пьяикова.* 1990. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии 17: 98—112. Москва.
- Горбунов, В. С.* 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва.
- Гулямов, Я. Г., У. Исмаилов, А. Аскарлов.* 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент.
- Евдокимов, В. В.* 1984. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Зданович, Г. Б.* 1988. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.
- Исаков, А. И., Т. М. Потемкина.* 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология 1: 145—167.
- Итина, М. А.* 1959. Первобытная керамика Хорезма // Труды Хорезмской экспедиции IV: 5—62. Москва.
1961. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции 5: 3—96. Москва.
1977. История степных племен Южного Приаралья // Труды Хорезмской экспедиции X. Москва.
1986. Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока: 129—137. Ташкент.
1987. Бронзовый век Средней Азии в свете контактов земледельческого юга и скотоводческого севера // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: 66—68. Алма-Ата.
1998. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековье: 78—90. Москва.
- Кузьмина, Е. Е.* 1988. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории 2: 35—59. Москва.
1994. Откуда пришли индоарии? Москва.
- Кутимов, Ю. Г.* 1999. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // Stratum Plus 2: 314—322. Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса.
- Мандельштам, А. М.* 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР 145. Москва — Ленинград.
1972. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва-Ленинград.
- Пьяикова, Л. Т.* 1999. Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // Stratum Plus 2: 286—297. Санкт-Петербург — Кишинев — Одесса.
- Сальников, К. В.* 1952. Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР 24: 51—71. Москва-Ленинград.
- Семенова, А. П.* 1983. Погребальный обряд племен срубной культуры лесостепной зоны левобережья Волги. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Сорокин, В. С.* 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии СССР 120. Москва-Ленинград.
- Толстов, С. П.* 1939. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпаки // Вестник древней истории 3: 172—199. Москва.
1940. Хорезмийская экспедиция 1939 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР 6: 70—79.
1948. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва.
1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва.
- Трифонов, В. А.* 1997. К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. Археологические изыскания 37: 94—97. Санкт-Петербург.
- Трифимова, Т. А.* 1961. Черепа из могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции 5: 97—146. Москва.

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT AND ABSOLUTE DATING OF THE TAZABAGYAB CULTURE OF THE SOUTHERN ARAL REGION

(on materials from the Kokcha III burial-ground)

YURI G. KUTIMOV

In the late 1930-s, on the right bank of the lower Amu Darya a number of scattered settlements were discovered by the Khorezm Expedition during archaeological investigation of the Southern Aral region. From the surface of this sites handmade flat-bottomed pottery with geometrical ornamentation was gathered. S. P. Tolstov denominated this culture as «Tazabagyab» and noted that the found artefacts have certain resemblance to material complexes of the Srubnaya and Andronovo cultures of the late Bronze Age of steppe zone of Eurasia (Толстов 1939: 174, 175; Толстов 1940: 70, 71).

At first, the origin of Tazabagyab culture was considered to be connected with the Kelteminar Neolithic culture, thus no one could rule out that some separate groups of Srubnaya and Andronovo population also took part in the formation of the Tazabagyab culture (Толстов 1948: 76). However, later the hypothesis was proposed that the emergence of the Tazabagyab culture in the Southern Aral is linked to the penetration of mixed Srubnaya-Andronovo tribes from the steppe zone and their amalgamation with the local Suyargan culture. Gradually, the Srubnaya-Andronovo tribes completely assimilated with the Suyargan population (Толстов 1962: 57, 59; Итина 1977: 139, 140; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 150; Кузьмина 1988: 50).

The burial complexes of the Tazabagyab culture in the region of the Southern Aral are known from excavations of the Kokcha III burial-ground which was investigated by the Khorezm Expedition in 1954—55 and 1977 (Итина 1961: 3—96; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—152).

The Kokcha III cemetery is situated in the lower part of the ancient Amu Darya delta. In the area of the burial-ground 118 graves have been revealed, among which only 53 burials with 74 dead were preserved fairly well. The grave features of the Kokcha III are quite similar for whole number of the burials. These are simple earth pits of rectangular or square shape with rounded corners, devoid of any over-grave structures. Most of the graves contained a single burial (32 burials, of which 14 were male, 5 female

and 13 children's), but there were also 21 double burials, from which 15 were burials of adult pairs (mostly simultaneous), 2 female, 3 children's and 1 burial of a woman with a child. All the dead were inhumed. The skeletons lay flexed — each man on his right side and each woman on her left. The bodies were oriented to the west with slight deviations to the south or north. The posture of the dead in paired heterosexual burials at Kokcha III was uniform: they lay flexed on one side (a man on his right and a woman on her left) turned to one another with their faces (fig. 1: 1, 2) (Итина 1961: 11—49, fig. 3, 6, 8, 11, 13, 15; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 123—137, fig. 32, 36).

The grave goods from Kokcha III are represented by various forms of handmade pottery and metal objects. The ceramic assemblage includes 118 vessels. The pottery was made of clay tempered with great amounts of pounded shell and marl. The vessels were non-uniformly fired and had a spotty outer surface. The predominant part of the pottery were vessels with a bent or straight throat, a small slightly out-curved rim, a sharply curved shoulder and a narrow bottom. Other shapes also were found: can-like vessels with a smoothed ledge in the area of their shoulder (fig. 2: 1). The decorations were arranged in zones on the necks and shoulders. The ornamental elements were composed of isosceles and open-ended triangles, triangles with «eyelashes» and crooked lines. Some examples had a meander. The execution of ornamental decoration on the vessels is carved (Итина 1961: 63—74, fig. 4, 5, 7, 9, 10, 12, 14; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 142—147, fig. 33, 35, 37, 38). The collection of metal objects from Kokcha III consisted mostly of bronze women's adornments, including temporal pendants (fig. 3: 1), convex—concave lamellate bracelets with open meeting ends decorated with small inlays along the outside edges (fig. 3: 2), and rings. In addition, various bronze, stone, paste and clay beads as well as a number of bronze needles were found in women's burials. The inventory of the men's graves, in addition to the pottery, included bronze awls with bone handles (fig. 3: 3). Adorn-

ments were found only in women's graves: each of the dead usually had two bracelets on their wrists and two pendants located in the area of the temporal bones (Итина 1961: 74—89, fig. 23—28; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147—149, fig. 34).

The datings of the Tazabagyab culture, proposed in the earlier works by authors of the excavations and by other researchers, practically have not changed in their later publications. М. А. Итина dated the Tazabagyab culture at first to the middle—the end of the 2nd millennium В. С. (Итина 1959: 54), then to the middle—the second half of the 2nd millennium В.С. (Итина 1977: 22), or the 14th—11th centuries В. С. (Итина 1998: 85). Е. Е. Кузьмина adheres to a similar dating of the Tazabagyab culture: the 15th—11th centuries В. С. (Кузьмина 1988: 50), or 15th—13th centuries В. С. (Кузьмина 1994: 229). According to М. А. Итина's opinion the whole period of existence of the Kokcha III cemetery can be related to the 13th—11th centuries В.С. and she traditionally abides by such dates in all her publications (Итина 1961: 89; Итина 1977: 22; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 147, 150; Итина 1998: 85).

The tradition of burying in simple earth pits at Kokcha III has no direct parallels at sites of the late Bronze Age Srubnaya and Andronovo cultures in the steppe zone of Eurasia. The burial customs of these cultures were linked to a greater variety of structural elements. The nearest parallels to the simple rectangular pits of Kokcha III are known from the Alakul cemetery of Tasty-Butak (Akt'yubinsk region, Western Kazakhstan). However there, all the burials had some over-grave structures e.g. stone enclosures, and were mostly collective with several graves united into groups (Сорокин 1962: 28). Thus, the tradition of burying dead in simple earth pits without over-grave structures found at Kokcha III should be considered as a local burial custom which was peculiar only to tribes of the Tazabagyab culture.

The westward orientation of the dead in graves, in general, is characteristic only of the Andronovo culture, therefore the similar orientation of the dead at the cemetery of Kokcha III may be explained by an Andronovo influence. Another question concerns the Kokcha III tradition of laying men on their right side and women on their left. Throughout Central Asia, beside the Kokcha III cemetery, this posture of the dead was often found in burial complexes of the local settled agricultural and cattle-breeding populations of the late Bronze Age, namely in the Sapalli culture in Southern Uzbekistan and the Bishkent culture in Southern Tajikistan. On the basis of this fact, М. А. Итина came to the conclusion that the agricultural population of the south of Central Asia exerted certain cultural influence upon Tazabagyab tribes of the Southern

Aral which resulted in the adoption the described burial tradition by the latter tribes (Итина 1977: 214—216; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 149, 150; Итина 1987: 68). According to М. А. Итина's opinion such conclusion is confirmed by finds of certain objects in Tazabagyab complexes which may be regarded as an evidence of direct contacts between the Tazabagyab population and southern agricultural cultures by means of which the Tazabagyab tribes could borrow such feature of burial custom from agricultural ones (Итина 1986: 132). However, the amount of these finds in the Southern Aral region is very insignificant, all of them having been uncovered in unstratified and mostly scattered layers of dwellings. That is why there are certain doubts in their Tazabagyab belonging (in burials of Kokcha III, for instance, similar things have not been found at all). Therefore, there are no reasons to regard these finds as an evidence of developed cultural relations. It is impossible to speak authentically about deep and versatile influence of local Central Asia cultures over Tazabagyab population of the Southern Aral, because no convincing enough materials are actually available.

In view of the absence of proofs of a cultural influence of Central Asian agricultural cultures over Tazabagyab tribes, it is possible to put forward the following hypothetical explanation of the appearance of the custom of burying men on their right and women on the left side in the Tazabagyab culture.

In single graves dating to the Alakul period of the Andronovo culture, the dead (both men and women) in most cases lay on their left side. However, burying the dead on their right side was also widespread in the Alakul society. For example, at the cemetery of Tasty-Butak, 73,6% of the total number of the dead were lying on their left side and 26,4 % were on their right (Сорокин 1962: 35). At the Alakul cemetery of Vetlyansk (in the lower reaches of the Ile River, Ural region) most of the deceased also were lying on their left side, while only 22,6 % were on their right (Горбунов 1992: 27). At the same time, in double heterosexual Alakul graves women usually were buried facing the men. This burial rite was observed practically throughout the entire territory of occupation of Alakul tribes (Сальников 1952: 63; Сорокин 1962: 92; Евдокимов 1984: 11; Зданович 1988: 143). Accordingly, if in double heterosexual Alakul graves a man was buried on his left side then a woman was on her right, and vice versa, if a man was laid on his right side then a woman was on her left. For example, at the Tasty-Butak burial-ground, seven double heterosexual burials have been discovered, of which in five graves men were lying on their left side and women on their right, and in two burials

men were lying on their right and women on their left side (Сорокин 1962: 92).

The described custom is strictly observed at the cemetery of Kokcha III, where in all the fifteen double heterosexual burials, the dead were lying face-to-face — men on their right side and women on their left (Итина 1961: 56; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 138). By all appearances, the semantics of this custom is closely connected with the idea of an opposition between man and woman in the ancient society — it is an idea of two systems of initially opposite signs. This leads us to the assumption that the tradition of the male and female inhumations in the burial custom of Tazabagyab culture in the Southern Aral region, with its strictly fixed opposition of postures of men and women, is a transformation of the ritual norms of double heterosexual burials of Alakul culture. A new understanding of the old and steady notions which had existed among the Alakul population (probably, connected with the status of public relations of man and woman in the ancient society) became the reason for the appearance of a new burial practice among the Tazabagyab population, in the formation of which Alakul tribes took the basic part. In the steppe zone such postures of the dead are characteristic only of the Alakul culture; in double heterosexual burials of the Srubnaya culture the deceased (both men and women) lay mostly on their left sides — the women always buried behind of men's back.

Some developmental features of the Tazabagyab culture are expressed in the ceramic assemblage from the Kokcha III possessing a certain combination of characteristics, which allow us to identify the chronological frameworks of this culture. First of all, one should note the complete absence of the shaft-type pottery which in the steppe zone is found from the beginning of the 14th—13th centuries B.C. It is during this period that in the steppe zone there appeared the so-called «community of cultures of shaft-type pottery», tribes of Sargarino-Alekseevo and Ivanovo cultures being its basic representatives. Secondly, the presence of pot-like vessels with a smoothed ledge on the shoulder and herring-bone pattern on the body in the ceramic complex from Kokcha III allows us to date this tradition precisely to the late Alakul period (fig. 2: 1). The carved technique of decoration also makes the Tazabagyab pottery to resemble the Alakul's one. Thirdly, on the pottery from Kokcha III cemetery, a small number of ornamental elements (e.g. slanting shaded upturned triangles on the rim, geometrical meanders, groups of triangles contiguous with their angles on the body, zigzags) are present which in a greater degree are characteristic of pottery of the Fedorovo cultural tradition (fig. 2: 2).

As to the women's metal adornments found at Kokcha III, they all belong to the Andronovo

culture. According to N. A. Avanesova who has carried out a typological analysis of metal artefacts of the Andronovo culture, the bronze temporal pendants are an «ethnic feature of Alakul sites» (Аванесова 1991: 54), and lamellate convex-concave bracelets with meeting ends also are encountered among artefacts of the Alakul period (Аванесова 1991: 68), though later they are fairly common also in Fedorovo assemblages.

Thus the analysis of burial complexes of Tazabagyab culture from the Kokcha III showed that these complexes possess a number of features which find parallels in cultural traditions of various related (Andronovo) steppe populations of the late Bronze Age Eurasia: 1) in Alakul (at the later stage of its development), and 2) partly, in Fedorovo. Separate elements of cultural traditions of these groups of steppe population, having mixed up, formed the unique originality of the Tazabagyab culture.

The relative periodisation of the Andronovo culture of the Eurasian steppe zone has at present steady chronological frameworks, on the basis of which the development of the Andronovo community can be dated in the following sequence: a) the Petrovo culture of the 21st—18th centuries B.C.; b) the Alakul culture of the 17th—16th centuries B.C.; c) the Fedorovo culture of the 15th—14th centuries B.C.; d) the Sargarino-Alekseevo culture of the 14th—13th centuries B.C.

Thus the evidence from Kokcha III burial-ground shows that the emergence of the Tazabagyab culture in the area of the Southern Aral should be correlated with the late Alakul — early Fedorovo period of the development of the Andronovo cultural community (i. e. the end of the 16th — beginning of the 15th centuries B. C.).

The entire period of the existence of the Tazabagyab culture in the Southern Aral region, to our opinion, was fairly short. This conclusion is confirmed, firstly, by the almost absolute identity of types of the pottery from the Kokcha III and that from Tazabagyab settlements; this fact, repeatedly noted by the authors of the excavations (Итина 1961: 72; Виноградов, Итина, Яблонский 1986: 143—147), allows us to synchronise these materials. The second argument is the absolute absence of any dynamics in the development of the burial rites at Kokcha III, a completely identical combination of ritual features being peculiar to all the burials. The stagnation of the burial custom is expressed in all its components: the shape of burials (common ground pit), postures of the inhumed (the man on his right side and the woman on her left), orientation of the dead (strictly westward), composition of the grave goods (bracelets and pendants in women's burials, and awls with a bone handle in men's graves), the spatial arrangement of the accompanying inventory (pottery put near the head of the deceased).

On the basis of the facts described above we can arrive at the following conclusions. Tazabagyab tribes (in that kind as their material culture has been reflected in the Kokcha III burial-ground) were occupying the region of the Southern Aral for an extremely short period. Their fate, in general, was similar to that of the Fedorovo tribes, which during their migrations penetrated to Southern Siberia, where, having been torn away from their basic territory and exhausted of their human resources, they soon disappeared, without having influenced significantly the local population. By all appearances, the tribes of the Tazabagyab culture underwent a similar evolution: a separate group of steppe tribes reached the territory of the Southern Aral and due to various reasons disappeared after a certain segment of time.

In Central Asia, archaeological complexes of the Tazabagyab type, besides the Southern Aral region, are found on the Lower Zarafshan (territory of modern Bukhara area), where over 20 scattered settlements and one small cemetery of Gudjaili (only 5 graves) have been discovered (Гулямов, Исламов, Аскарлов 1966: 187—207). The greatest amount of pottery of the Tazabagyab type found in the inner areas of Central Asia. It is concentrated within south-east Turkmenistan, in agricultural oases of the Murghab delta belonging to Namazga VI period; here nu-

merous fragments of the Tazabagyab type pottery were gathered from the surface around ancient agricultural settlements (Кутимов 1999: 321). Thus, the area of the Southern Aral must have been an intermediate point for Tazabagyab tribes on their migration route from the steppe zone to the internal areas of Central Asia — mainly, to agricultural oases of the ancient Murghab delta of Namazga VI period. It seems, that from the Southern Aral, the Tazabagyab tribes penetrated deep into Central Asia along the banks of the Amu Darya. Some of these tribes, having reached the mouth of the Zarafshan, further proceeded upstream towards the territory of modern Bukhara oasis; another group turned south-west and gradually reached ancient agricultural oases of the Murghab delta.

The late Alakul tribes were the basic cultural component of the Tazabagyab community. A small number of vessels of the Fedorovo type found among the Tazabagyab pottery suggest an insignificant inclusion of Fedorovo tribes as part of the Tazabagyab community, or, more probably, that it were just cultural contacts between the Tazabagyab and Fedorovo populations, which resulted in Tazabagyab people borrowing some elements of the Fedorovo tradition of pottery-making. In general, the dating of Tazabagyab culture should be placed within the end of the 16th—the first half of the 15th century B. C.